

Глава 54. Наедине друг с другом (Часть 1)

Спалось Лянь Уцзю на редкость сладко. Едва он разомкнул веки, как полуденное солнце, бившее прямо сверху, заставило его тут же зажмуриться от слепящего света.

— Если ты сейчас же не поднимешься, я окончательно лишусь и рук, и ног, — раздался тихий, притворно-жалобный голос.

Лянь Уцзю опешил. Он распахнул глаза и уставился на говорившего. Один приподнял голову, другой — наклонился; они были так близко, что в глазах друг друга могли отчетливо разглядеть собственные отражения. Лянь Уцзю сглотнул, растерянно моргнул и, не в силах сдержать радостную улыбку, прошептал:

— Надо же... Это и правда ты.

Он попытался устроиться поудобнее и только тут сообразил, что по-прежнему лежит у Су Линцзюня на коленях.

— Прости... — виновато пробормотал Лянь Уцзю.

Линцзюнь хмурился от боли, а его затекшие руки и ноги отказывались повиноваться.

— Давай я разомну! — с готовностью вызвался Лянь Уцзю.

Он поспешно засучил рукава и принялся усердно массировать затекшие конечности Линцзюня.

Су Линцзюнь шумно фыркнул и со скепсисом покосился на внезапно ставшего таким услужливым юношу:

— Надо же, за добро действительно воздается...

Раньше Лянь Уцзю не проявлял к нему столько заботы. Когда Линцзюнь защищал его в бою, подставляясь под мечи и стрелы, тот даже на край своей постели пускать его не хотел. Видимо, стоило хлебнуть невзгод, чтобы стать покладистее!

Лянь Уцзю не уловил скрытой иронии и горячо закивал в знак согласия:

— Вот именно! Нужно делать добрые дела и копить благочестие, тогда и Небеса воздадут должное! Я-то думал, что мне суждено сгнить на этом острове, но, видать, Бог всё-таки есть!

Су Линцзюнь усмехнулся:

— Вот только хоть я и здесь, выбраться отсюда мы всё равно не сможем.

— То есть? — испуганно переспросил Лянь Уцзю.

— Отсюда нет выхода. Мы заперты.

— Неужели... тебя тоже сбросили в море, как и меня?

Линцзюню было лень вдаваться в технические тонкости игры, которые Лянь Уцзю всё равно бы не понял, поэтому он просто отшутился:

— Угадал. Добрые люди решили сослать меня к тебе в компанию.

Услышав это, Лянь Уцзю понуро опустил голову и замолчал.

Видя его кислую мину, Су Линцзюнь вздохнул:

— Да шучу я. Никто меня не сбрасывал. Я сам тебя искал. И обещаю, мы обязательно найдём отсюда выход. Вместе.

Лянь Уцзю удивленно уставился на него и спустя долгую паузу взволнованно спросил:

— Ты... пришёл сюда только ради меня?

— А то ради кого ещё? Думаешь, мне больше заняться нечем? — Линцзюнь весело рассмеялся.

— Ну да ладно, места тут красивые, так что поживём пока.

Он и не заметил, как Лянь Уцзю, не поднимая головы, густо покраснел.

— Я принесу еды! — неожиданно выпалил покрасневший юноша и, вскочив на ноги, мгновенно скрылся из виду, оставив изумленного Линцзюня в одиночестве.

Глядя ему вслед, Су Линцзюнь тепло улыбнулся. Похоже, Лянь Уцзю решил проявить гостеприимство и был искренне рад своему нежданному соседу по несчастью.

Линцзюнь поднялся и осмотрелся. Нагромождение валунов неподалеку отлично защищало от ветра. Не теряя времени, он достал из инвентаря палатку и быстро её установил, после чего разложил припасенную провизию и сменную одежду. К сожалению, вместимость игровой

сумки была ограничена, так что много взять не удалось. Чтобы сэкономить место, он даже заменил просторный шатёр на скромную двухместную палатку.

"Ничего, потеснимся, — с самым серьезным видом подумал он. — В конце концов, от тесноты дети не рождаются".

Сказать, что Лянь Уцзю был растроган — значит ничего не сказать. Человек преодолел немыслимые трудности только ради того, чтобы разыскать его. Но Уцзю, который уже успел познать все «прелести» выживания на этом проклятом клочке суши, невольно испугался. Что, если брат Су со временем пожалеет о своем решении?

От одной этой мысли у него тревожно сжималось сердце.

Он изо всех сил старался выбрать самые спелые плоды и ягоды. Набрав целый узел, завернутый в запасную рубаху, он поспешил обратно. Юноша всем сердцем надеялся, что жизнь на острове не покажется Линцзюню совсем уж невыносимой, хотя прекрасно понимал, насколько глупо это звучит.

Вернувшись к своему импровизированному лагерю, Лянь Уцзю так и подпрыгнул от радости: на месте его прежней норы красовалась аккуратная палатка, а рядом стояли чистые котелки и другие полезные вещи. В пару шагов оказавшись внутри, он восторженно воскликнул:

— Ты прихватил палатку! Какое счастье! Ха-ха-ха! — Но тут его взгляд упал на костерок снаружи. — О... Ты что, готовишь?!

Ароматный пар, поднимавшийся над весело булькающим варевом, лишил юношу последних мыслей. Желудок жалобно взвыл.

Линцзюнь с улыбкой наблюдал за Уцзю, который, подобно голодному щенку, замер у котелка, пуская слюни. Глаза бедняги горели таким хищным блеском, что казалось, он готов сожрать посудину вместе с содержимым.

— Не суй нос так близко, а то сваришься, — рассмеялся Су Линцзюнь. — Потерпи еще немного, еды хватит на двоих.

Послушно отпрянув назад, Лянь Уцзю с неподдельным восхищением посмотрел на спутника:

— А когда ты успел научиться готовить?

— Специально подучился перед выходом, — Линцзюнь помахал импровизированной лопаткой.
— Так что я пока новичок, шедевра не обещаю.

Если бы не необходимость отправляться в эту глухомань, он бы в жизни не притронулся к кулинарному искусству.

Лянь Уцзю притих. Пристально вглядываясь в лицо друга, он тихо, но со всей искренностью произнес:

— Ты... замечательный.

Линцзюнь не ожидал такой внезапной сентиментальности. Помолчав секунду, он весело прищурился:

— И насколько же я хорош?

— Очень, — серьезно кивнул Уцзю.

— Что-то раньше ты этого не признавал.

— Вовсе нет! Я и раньше так думал... Просто сейчас ты превзошел сам себя.

— Потому что я стал лучше именно к тебе?

Лянь Уцзю смутился. Этот вопрос загнал его в тупик, заставив его покраснеть до ушей.

Заметив его замешательство, Су Линцзюнь тихонько рассмеялся, решив больше не мучить беднягу расспросами.

— Ладно, готово. Налетай.

Он наполнил миску дымящейся кашей и протянул её юноше. Чудесный аромат окончательно вымел из головы Уцзю все лишние думы. Он устроился у небольшого складного столика и принялся уплетать угощение за обе щеки.

— Осторожнее, она только с огня, горячая! — предостерег его Линцзюнь.

Но Уцзю, обжигаясь и судорожно хватая ртом воздух, упрямо продолжал запихивать ложку за ложкой:

— Нисего... Фсе... нормально... кха...

У него аж слезы на глаза навернулись от жара, но упрямства парню было не занимать!

Линцзюнь решительно отобрал у него миску:

— Сначала проглоти то, что во рту, а потом ешь по-человечески!

Лянь Уцзю с трудом сглотнул обжигающий ком и уставился на заветную плошку голодным, обиженным взглядом. Возразить он не посмел, смиренно ожидая своей участи.

— Давай лучше я сам тебя накормлю. На твоё варварство смотреть больно, — со вздохом покачал головой Линцзюнь. Он присел рядом и стал аккуратно, ложка за ложкой, кормить юношу, предварительно остужая кашу.

Впервые за столько дней набив желудок горячей, сытной пищей, Лянь Уцзю блаженно развалился на стуле, лениво и сыто икая.

Су Линцзюнь, прибрав посуду, с явным сомнением оглядел его потрепанный вид.

— Наелся? А теперь марш мыться. Не хочу тебя расстраивать, но от тебя разит за версту. Я терпел эту пытку всю ночь и половину дня.

Очередной блаженный ик застрял у Уцзю в горле. Он мгновенно густо покраснел. Вскочив со стула как ошпаренный, он растерянно забормотал:

— Да... я... сейчас... — и пулей вылетел наружу.

Закончив с делами, Су Линцзюнь вышел из палатки и неторопливо направился к берегу. Над зеркальной гладью залива одиноко покачивалась мокрая макушка. Уцзю ушел в воду по самый нос — точь-в-точь как черепаха, прячущаяся в панцирь, или пойманный на месте преступления любовник, испуганно зарывшийся под одеяло.

С момента своего изгнания на остров Лянь Уцзю жутко мерз по ночам, а потому натянул на себя все три одежды сразу. Из-за тоски и уныния он совершенно забыл о гигиене. И вот сегодня брат Су так бесцеремонно ткнул его в это носом... Какой позор! За всю свою жизнь Уцзю не позволял себе выглядеть настолько неряшливо. Любому приличному человеку на его месте захотелось бы сквозь землю провалиться.

Недолго думая, он с разбегу бросился в море и принялся яростно отмываться, уделяя особое внимание свалевшимся волосам.

Су Линцзюнь, заметив, что парень посреди водных процедур вдруг застыл на месте с отсутствующим видом, со вздохом крикнул:

— Хватит там ворон считать! Еще утонешь, дурень. Давай выбирайся, солнце уже садится.

Оклик заставил Уцзю встрепнуться. Он растерянно огляделся, и его взгляд уперся в сухую одежду, которую Линцзюнь держал в руках. Помявшись, юноша черепашьим шагом побрел к берегу. С его длинных, растрепанных волос ручьями стекала вода. Он казался неестественно зажатым. Он упорно косился куда-то в сторону горизонта, делая вид, будто его безумно интересует закатное небо, а руками как бы невзначай прикрывал наготу чуть ниже пояса. Преодолев это мучительное расстояние, он наконец остановился перед Су Линцзюнем.

Су Линцзюнь из последних сил сдерживал смех, не желая смущать и без того пунцового юношу, но искушение подразнить его было слишком велико. Он демонстративно держал чистый комплект, не торопясь отдавать. Наконец терпение Уцзю лопнуло. Он оторвал взгляд от горизонта, покраснев, уставился на Линцзюня и попытался произнести как можно беспристрастнее:

— Дай одежду.

— Может, сначала ополоснешься пресной водой? — невинным тоном предложил Линцзюнь. — Иначе соль будет разъедать кожу под тканью.

— Не нужно! — в голосе Уцзю прорезались сердитые нотки.

— Как пожелаешь, — Линцзюнь послушно встряхнул нательную рубашу и принялся собственноручно натягивать её на юношу.

Лянь Уцзю попытался вырвать ткань из его пальцев, возмущенно воскликнув:

— Да что ты творишь?! Я сам могу одеться! — Сгорая от стыда, он начал испуганно скакать вокруг, больше всего на свете боясь, что Линцзюнь решит помочь ему еще и с брюками.

Забавные метания Уцзю лишь пуще развеселили Линцзюня. С коротким смешком он резко потянул юношу за пояс, прижимая к себе. Крепко зажав его в объятиях, он склонился к самому уху опешившего парня и прошептал:

— М-м, действительно чистый. Больше ничем не пахнет.

Лянь Уцзю готов был лопнуть от злости и стыда. Если уж так приспичило обниматься, мог бы хоть дать ему штаны натянуть!

— Уцзю, как думаешь, зачем я здесь? — по-прежнему не выпуская его из рук, тихо спросил Линцзюнь.

Юноша немного подергался для приличия, но вскоре утихомирился.

— Ты говоришь, что пришел ради меня... Но это не повод так издеваться! — обиженно буркнул он.

— Опять дуешься? Ну и вредина.

— Хм.

Су Линцзюнь внезапно замолчал. Тишина затянулась. Почуввав неладное, Лянь Уцзю повернул голову и встретился с ним взглядом.

Линцзюнь выглядел серьезным как никогда.

— Если тебе суждено остаться на этом острове до конца дней своих, я проведу всю эту жизнь рядом с тобой. Понимаешь, что это значит?

От его тона сердце Уцзю пропустило удар. Было ли это потрясением? Пожалуй, нет. На самом деле он давно всё чувствовал. Когда находишься рядом с кем-то, всегда понимаешь, дорог тебе человек или неприятен. Но сейчас его охватило такое волнение, что мысли спутались, а в голове зашумело.

— Ты ведь так боишься одиночества. Согласен ли ты, чтобы я был рядом? Сколько бы времени ни прошло, я готов делить его с тобой.

Уцзю не мог произнести ни слова. Он лишь мелко дрожал, беззвучно хватая ртом воздух, а его пальцы мертвой хваткой вцепились в предплечья Линцзюня, готовые, казалось, пропороть ткань до самой кожи.

Так и не дождавшись ответа, Линцзюнь тихо, но вполне удовлетворенно рассмеялся. Он разжал объятия и отвернулся:

— Всё, не смотрю. Одевайся и дуй в палатку. А мне пора заняться припасами для ужина, пока совсем не стемнело.

Слушая, как отдаляются его шаги, Лянь Уцзю бессильно опустил плечи. Он еще долго не мог восстановить дыхание. Кое-как натянув оставшиеся вещи дрожащими руками, он, спотыкаясь, побрел обратно к лагерю.